

Это личное!

Ида
Мартин
ТВОЙ
ПОСЛЕДНИЙ
ШАЗАМ

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
М29

Серия «Это личное!»
Дизайн обложки: *Юлия Межова*

Мартин, Ида

М29 Твой последний шазам / Ида Мартин. — Москва: Издательство АСТ, 2021. — 476, [2] с. (Это личное!)

ISBN 978-5-17-123054-8

Жаркое лето, каникулы, свобода и оглушительная любовь. Недетские проблемы, опрометчивые решения, эмоции и юношеский максимализм.

Семнадцатилетней Тоне не впервой столкнуться с обвинениями в смерти человека, но одно дело знать о своей невинности и совсем другое — верить на слово тому, кого любишь.

Могут ли пятеро парней, отправившись на подработку в заброшенный лагерь заскучать? Обойтись без приключений, девчонок, полиции и драк? Однако, чем лучше они узнают друг друга, тем сложнее становится Никите сохранить их дружбу.

Мама неоднократно предупреждала Виту, что Артем для нее «слишком взрослый», «слишком красивый», «слишком раскрепощенный», но в любви голос разума бессилён. Отчаянно пытаясь высвободиться из сетей собственных чувств, Вита все больше запутывает опасный клубок...

Все, что делается из любви, всегда на-
ходится за гранью добра и зла.

Ф. Ницше

Глава 1

ТОНЯ

«Представь, по железной дороге несется тяжелая неуправляемая вагонетка, а на ее пути, привязанные к рельсам, лежат люди. Пять человек. Ты можешь спасти их, переведя стрелку, и тогда вагонетка поедет по запасному пути. Проблема в том, что на нем тоже лежит привязанный к рельсам человек. Но только один. Выбор за тобой. Или вагонетка убьет пятерых, или ты — одного?»

Пока я размышляла, как ответить на это сообщение, ко мне за столик подсел самодовольного вида парень и, вальяжно закинув ногу на ногу, принялся покачивать в такт гремящей музыки резиновой шлепкой.

— Чего грустим?

Я поискала глазами родителей, но танцующих на площадке возле открытого бассейна было слишком много.

— Я Илья, — сообщил парень. — Мы вчера приехали. А ты здесь давно?

— Одиннадцать дней, — не без труда вспомнила я, все еще пребывая в своей переписке.

— И как тебе? Судя по отзывам, отель шикарный.

Ритмично качающаяся шлепка нервировала.

— Отель как отель, — я пожала плечами. — Кормят нормально.

— А где вы здесь оттягиваетесь? Бары, кафешки, дискотеки, пенные вечеринки... Где тут вообще можно зажечь?

— Это у моих родителей нужно спрашивать. Они здесь «зажигают».

— Так ты с родителями? Я думал, с подругами, — он кисло оглядел меня. — А парень-то у тебя есть?

— Мы завтра улетаем, — я надеялась, что Илья тут же отвалит.

Но он не отвалил. Вместо этого поднял палец вверх, прислушался к музыке и, гнусаво подпев «Гавана у-на-на», предложил:

— Потанцуем?

— Нет.

— Да чего ты стесняешься? Я тебя научу, — его голос приобрел томный оттенок. — Давай-давай, не пожалеешь.

Я мигом представила, как он, яростно шаркая шлепками, усердно кружит меня, и, не сдержавшись, рассмеялась.

— Найди кого-нибудь другого.

— В смысле? — он глупо вытаращился.

— Я не танцую.

— Вообще?

— С тобой.

— Ладно, — Илья резко встал, смерил меня таким презрительным взглядом, будто только что на его глазах красная карета превратилась в тыкву, и, уже отходя, сквозь зубы процедил: — Тупая коза.

Телефон завибрировал раз в пятнадцатый.

«Куда ты пропала? Тоня?!»

Все еще смеясь, вместо ответа я написала:

«Слушай, Амелин, а ты мне парень или кто?»

«Чувствую какой-то подвох», — откликнулся он моментально.

«Нет никакого подвоха. Просто интересовался тут один, есть ли у меня парень».

«Кто интересовался?»

«Прекрасный принц, разумеется. Обещал танцевать научить».

«И что ты ответила?»

«Естественно, что я свободна и мечтала о танце с ним всю жизнь. Что же еще ответить прекрасному принцу?»

Мне эта шутка казалась очень забавной: в том, что казалось танцев, лучше Костика не было никого. А предложение «научить танцевать» было его любимым подкатом, особенно когда я обижалась. Однако иронию он не оценил иотреагировал неожиданно нервно:

«Можешь держать меня за кого угодно, только, пожалуйста, ничего не рассказывай. Иначе мне придется с этим что-то делать».

Я так и видела перед собой взволнованно хлопающие ресницы и полный негодования взгляд черных глаз. С ним иногда такое бывало: то напропалую дурачился, то вдруг обижался на сущую ерунду.

«Какой ты бываешь глупый».

Он завис с ответом, и я пояснила:

«Просто это странно. Странно называть тебя „моим парнем“. Непривычно и звучит по-дурацки».

«Что в этом странного? Чем я хуже других?»

То было самое узкое место, в котором его загоны неминуемо сталкивались с полчищем моих тараканов. Так что теперь тормозила уже я.

«Скажи, пожалуйста!»

«Прямо сейчас».

«Кто я тебе?»

«Чем я хуже других?»

Мне казалось бессмысленным объяснять то, что и так очевидно. Я отключила вибровзвонки и перевернула телефон экраном вниз.

Слова — это всего лишь пустое место, ничего не стоящий звук. Сказать можно что угодно, а Костик был умным и не мог не понимать, что у меня к нему все серьезно.

Я не умела говорить о своих чувствах, а он до тошноты настойчиво искал им подтверждение, хотя прекрасно знал, что меня не смущают ни его многочисленные шрамы, ни суицидальное прошлое, ни бедность, ни дурная мать, которая довела его до всего этого, ни эксцентричное временами поведение.

Меня ничто не смущало. Я очень привязалась к нему, пока мы из-за одной неприятной школьной истории были в бегах.¹

Но все это слишком сильно смущало его самого.

— А мои родители, между прочим, на танцах познакомились, — раздался над ухом низкий глухой голос.

Я подняла глаза и увидела возрастную, сильно загорелую женщину с белыми крепко завитыми локонами, огромными накачанными губами и тонной черной туши на коровьих ресницах.

— И чего? — я все еще была в своих мыслях.

— Жаль, что мама папашу так же не отшила, — женщина вульгарно хохотнула, и мне показалось, что она изрядно пьяна. — Можно сяду?

Не дожидаясь ответа, она плюхнулась на стул, и в ту же минуту официант принес нам по шоколадному коктейлю.

— Это за что? — спросила я.

— Ты мне понравилась.

Не зная, что ответить, я благодарно кивнула.

— Видела, как ты развернула этого парня. — Голос у нее был такой низкий, что я на какой-то момент засомневалась: женщина она или какой-нибудь трансвестит. Но потом вспомнила, что нужно смотреть на кадык. Если он есть, значит, перед тобой мужчина. У нее кадык отсутствовал.

¹ И. Мартин. Дети Шини.

— Весь вечер тут сидел, на тебя смотрел. Подойти не решался. Его друзья ушли, а он надумал-таки попытать счастья.

— Правда? — мне стало немного стыдно, что я так резко обошлась с Ильей. — Он обозвал меня тупой козой.

— Серьезно? — женщина снова рассмеялась. — Это хорошо.

— Чего хорошего? — я никак не могла понять, к чему она ведет.

— Хорошо, что ты его отшила. Мои родители на танцах познакомились. Но лучше бы никогда не встретились. Отец вот так же подошел к матери и пригласил танцевать. Это в Анапе было. В пятидесятых. Мама вначале не соглашалась, но раньше так принято было. Мужчина должен был доказать свою заинтересованность, а не как этот, — она кивнула в сторону и замолчала в ожидании вопросов.

Но не дождалась. Меня совершенно не интересовала история знакомства ее родителей, ее собственная жизнь или обсуждение мужчин.

— Спасибо за коктейль. — Я собиралась встать, но женщина неожиданно накрыла мою руку ладонью.

— Ты когда-нибудь была влюблена? Не просто так, а по-настоящему? До разрыва сердца? До апокалипсиса?

— Без понятия.

— Значит, не была, иначе сразу поняла бы это.

Я осторожно высвободила руку и встала. Если бы у меня был ключ от номера, ушла бы сразу, но он остался у мамы.

— Просто хочу предупредить. Тебе еще совсем мало лет, и ты должна понимать, какие опасности подстерегают тебя в жизни. — В ее глазах блеснуло пьяное безумие. — Любовь — это самое страшное на свете зло. Она приносит страдания и толкает людей на самые ужасные преступления. Любовь — это зависть, ревность и страх. Это всегда потеря себя в другом.

— Еще раз спасибо за коктейль.

— Никогда не люби, — крикнула она мне вслед. — Любовь убивает.

Я с трудом отыскала маму среди танцующих, увидела ее ярко-оранжевый топик и бросилась к нему как к спасательному кругу.

— Ну что? — Раскрасневшаяся и довольная мама выглядела очень молодой и красивой. — Не надумала развестись? Последний же вечер!

— Нет. Пойду к себе. Здесь скучно.

— А там что? Опять в телефоне сидеть?

— Спать лягу. Быстрее завтра наступит.

Поднявшись на свой этаж, я сфотографировала длинный пустой коридор с красной ковровой дорожкой и отправила фотку Амелину. Пусть знает, что я не на танцах.

Упала на кровать и несколько минут лежала, остужая мысли.

А потом снова схватилась за телефон.

Но там ничего не было. Ни одного сообщения, даже комментария к фотографии коридора.

Я включила телевизор, сходила в душ, съела оставшийся с обеда несладкий персик, не глядя пролайкала новостную ленту друзей и уткнулась в видеоклипы.

Мы ждали. Я — что он сменит тему, он — моих ответов. И в этом молчаливом противостоянии проигравший был заведомо известен, потому что я ненавидела ждать. Ожидание вынимало из меня душу и заставляло совершать необдуманные поступки.

И я почти уже собралась написать, как на экране телефона высветился его номер. Я быстро схватила трубку и прижала к уху.

— Костя, ты с ума сошел? Мы же договорились не звонить, — на радостях выпалила я. — Это дорого.

— Ответь честно, ты ему правда не сказала про меня?

— Ты из-за этого звонишь?

— Звоню, потому что завтра встретиться не получится, — голос был тихий и далекий. — Я сейчас уезжаю в деревню. Ты просила предупреждать.

— Я ничего такого не сделала и не сказала, чтобы вот так психовать.

— Вот именно — не сказала... — он усмехнулся и помолчал. — На самом деле там с бабушкой что-то. Нужно ехать. Мила позвонила.

По его серьезному тону я поняла, что это правда.

Мы скомканно попрощались.

С Костиной бабушкой я была едва знакома. Виделись пару раз — крупная, усталая деревенская женщина. Никакой особой симпатии между нами не возникло. И я знала, что в глубине души Амелин винит ее за то, что она позволила матери забрать его к себе. Об этом он никогда не говорил, но сама бабушка однажды рассказала.

Мне, конечно, не хотелось, чтобы с ней на самом деле что-то случилось, но то, что из-за нее мы не могли в ближайшие дни увидеться, было очень обидно. Особенно после этой дурацкой переписки и повисшей недосказанности.

В Москве жара стояла посильнее, чем в Испании, и стоило нам там оказаться, родители тут же начали страдать, что хотят обратно.

Прошло четыре дня, но Амелин так и не вернулся. Нельзя сказать, что он совсем пропал. Два коротких сообщения я все же получила, однако фразы: «Пока здесь» и «Извини, придется задержаться» — скорее напоминали телеграммы, в которых каждая буква стоила непозволительно дорого.

Это было очень странно и необъяснимо. Последние две недели он писал не прекращая, по поводу и без повода, присылал мемы, картинки, музыку, рассказывал о своих соседях, прочитанных книгах и о всяком другом. Поэтому я

слишком привыкла, что он всегда в телефоне. Двадцать четыре на семь. Как джинн из бутылки. Стоит пожелать — и Амелин тут как тут: «Чего изволите?»

С середины апреля до первых майских праздников мы виделись каждый день: гуляли по улицам и торговым центрам, сидели в фастфудах или кино, но чаще всего зависали у меня дома. Я заканчивала десятый класс, и никаких серьезных экзаменов не предвиделось. Костику же предстояло сдавать ЕГЭ, поэтому мама однажды сказала, что если я не последняя эгоистка, то должна дать человеку подготовиться, ведь у него нет репетиторов и, кроме самого себя, рассчитывать не на кого.

Пришлось согласиться. Мы стали встречаться реже, однако писать он никогда не переставал. И как бы я себя ни успокаивала, какие бы ни придумывала отговорки, смутная тревога, начавшаяся с дурацкой подколки про «парня», в которой в общем-то и не было никакого смысла, кроме того, что я прекрасно знала, как она его заденет, росла.

Мне приснился сон. Один из самых неприятных, постоянно повторяющихся снов. В этом сне я прихожу в школу в майке и трусах. Сначала все спокойно, и я ничего не замечаю, но наша классная (почему-то это всегда именно она) поднимает меня перед всеми и отчитывает за внешний вид.

Только тогда я соображаю, что забыла одеться. Мне становится очень стыдно, и я начинаю метаться, пытаюсь поскорее уйти из школы, но каждый раз по каким-то причинам не могу.

В этом сне была Мила. Выглядела она, как и в жизни, очень привлекательно: хрупкая, трогательная блондинка с чистой, обезоруживающей, в точности как у Амелина, улыбкой в пол-лица. Он вообще сильно походил на нее, только глаза у нее были светлые, а у него черные как бездна.

Там, во сне, Мила искала кабинет директора, но заблудилась в коридорах. Я сказала, что мне нужно поскорее

домой, а она схватила меня за руки и стала умолять помочь ей. И я, хотя все еще слышала за спиной крики одноклассников: «Голая!», зачем-то побежала с ней по бесконечным лабиринтам коридоров и этажей, которых становилось все больше и больше, а из дверей классов, похожих на номера отеля, то и дело выскакивали люди и при виде меня кричали: «Голая!» Я изо всех сил пыталась натянуть майку ниже, а Мила только смеялась и говорила: «Хочешь, я научу тебя танцевать?» Этот сон никогда ничем не заканчивался. Выход из него всегда был только один — проснуться.

— Вечно тебе нужно все контролировать, — с упреком сказала Настя, когда мы сидели с ней на примерочных банкетках в магазине обуви, куда она устроилась на летнюю подработку.

Сидеть в торговом зале ей не разрешалось, но из-за дикой жары посетители не заходили к ним по несколько дней подряд.

Настя давно мечтала о большой любви и была уверена, что со мной случилась именно такая, а я этого не ценю. Она вообще осуждала меня за многое: за прямолинейность, за настороженность, за то, что, когда мне было плохо, я не жаловалась, что порой не снимала наушники во время разговора и никогда не носила юбок.

Мне в ней тоже не все нравилось, однако мы хорошо ладили и за какие-то шесть месяцев, пожалуй, стали лучшими подругами.

— Но ты не можешь контролировать все. Бывают разные обстоятельства, неизвестно же, что произошло.

— Неизвестно. И это страшно бесит. Почему он не напишет или не позвонит? Не объяснит нормально?

— Значит, не может. Не понимаю, чего волноваться? Вот если бы он исчез на месяц или вообще ничего бы не писал, тогда да...

В магазине сильно пахло кожей и обувным кремом, но кондиционер работал на полную мощь и царила райская прохлада.

— А вдруг это из-за меня? — наконец высказала я свои давние опасения.

— Вы поругались? — от любопытства Настя оживилась.

У нее были длинные светлые волосы и густо обведенные черной подводкой голубые глаза. Лицо же миленькое, немного детское, бледное и хрупкое. Она напоминала нежную, но печальную коллекционную куклу.

— Не то чтобы поругались, но... — Объяснить было сложно. — Я просто пошутила, а он не понял и воспринял в своем духе, ну, как это у него обычно бывает.

— Но если он обиделся, то почему написал, что задержится?

— Вот и я не понимаю.

— А ты сама звонила ему?

— Да. Не отвечает.

— В таком случае почему бы тебе просто не поехать и не выяснить все самой?

— Куда поехать? В деревню?

— Куда же еще. Хотя... — Настя задумалась. — А вдруг он вообще никуда не уезжал? Сказал, что уехал, а сам сидит себе преспокойно дома и наблюдает, как ты дергаешься. Он же так может?

— Может, — признала я. Подобные психологические выкрутасы были вполне в стиле Амелина. — Но если он так сделал, то я... то я...

Я не знала, как поступлю в таком случае, но от одного только предположения дико разозлилась.

— Вот и сходи. Проверь, — назидательно посоветовала Настя.

— Но это как-то унизительно. Ходить проверять... Он же сейчас у каких-то ребят живет.

— Глупости. Что унижительного в том, чтобы проведать своего друга? Ну и, в конце концов, если ты виновата, то попросить прощения.

— Что? Прощения? Если он меня обманул, никаких прощений не будет!

Настя откинула назад волосы и меланхолично пожала плечами.

— Просто сделай что-нибудь. У тебя все равно куча свободного времени, — она тяжело вздохнула. — Счастливая. Хочешь — на море, хочешь — в деревню поезжай.

— Поехали со мной, — предложила я.

— Ну куда я поеду? — она обвела взглядом полки с обувью и пустой зал. — У меня же работа.

Мы еще немного посидели, и я, пообещав написать ей, если что-то узнаю, тут же отправилась туда, где последние пару месяцев жил Амелин.

До этого я была у него два раза, но дорогу запомнила отлично: соседний район, в одной остановке на метро от нас. Длинный белый десятиэтажный дом, третий подъезд с конца. На двери домофон. Я дождалась, пока из подъезда выйдет человек, и поднялась на второй этаж.

Дверь мне открыл высокий красивый парень с асимметричной стрижкой и пирсингом в губе. Их там было двое, и этого, кажется, звали Артем.

— Привет. Я к Косте.

Едва я успела это произнести, как откуда-то из глубины коридора, громко цокая когтями по паркету, вылетел крупнолапый щенок, похожий на овчарку, и бросился мне в ноги.

— Его нет, — Артем торопливо подхватил щенка на руки, и тот принялся брыкаться, пытаясь вырваться.

— А когда будет?

— Без понятия. Он мне не докладывает.

В голосе Артема недовольства не было, но борьба со щенком требовала всего его внимания.

— И давно его нет?

— Кажется, с пятницы или четверга. Не помню. Разве ты не в курсе?

— Я в Испании была. Он сказал, что в деревню поедет, но слышно было плохо.

— А, ну да, у него вроде бабушка умерла или что-то типа того.

— Как умерла? Она не старая, вроде.

Артем пожал одним плечом и крепко прижал щенка к себе, так что тот даже пискнул, но тут же присмирел.

— Люди в любом возрасте могут умереть.

— Понятно, — я не знала, что еще сказать, обдумывая неожиданное известие.

— Хочешь кофе? — ни с того ни с сего предложил он.

— Нет, спасибо. До свидания.

— Стой, погоди, — он развернулся и крикнул куда-то в сторону. — Витя, иди сюда.

В ту же минуту к нам вышла молоденькая девушка. Темноволосая, голубоглазая, очень миленькая, похожая на самого Артема. Сначала я подумала, что она его сестра, но по тому, как он хозяйски обнял ее, стало понятно, что нет.

— Пригласи человека на кофе, а то меня она боится. Это Тоня, подруга Костика.

— Здравствуйте, — очень официально поздоровалась девушка по имени Витя. — Проходите, пожалуйста.

— Я правда не могу, — ответила я. — Мне идти надо.

— Если что — заходи, — Артем опустил щенка на пол и захлопнул дверь.

Вечером я сказала маме, что хочу поехать к Амелину в деревню, потому что у него умерла бабушка и ему нужна моя поддержка, однако маму мои благородные порывы не сильно воодушевили, и она наотрез отказалась отпускать меня одну «в такую даль». Потому что ехать предстояло на электричке, и потом еще на автобусе, а я там никогда не была и легко могла заблудиться.

— Сейчас каникулы, позови кого-нибудь из ребят, — сказала она. — Мальчика какого-нибудь. Того симпатичного из вашего класса. Или кого еще. У тебя полно друзей. Одну я тебя не отпущу.

На Герасимова, чью фамилию мама никак не могла запомнить, рассчитывать не приходилось. Они с Петровым неделю назад уехали в Капищено, в дом герасимовского дядьки, а вот Якушину я позвонила сразу. У него была машина, и я считала его самым надежным парнем из всех. Но за целый день к телефону он так и не подошел и на эсэмэски не ответил. Поэтому пришлось звонить Маркову, но тот полностью оправдал мои ожидания:

— Я че, типа самая лучшая кандидатура на роль парня? Ты вообще понимаешь, Осеева, что, если к нам пристанут, тебе самой меня защищать придется? Не. Я пас. Ты не обижайся, но тащиться за тридевять земель по такой жаре — это совсем не мое.

— Послушай, Марков, тебе необязательно ехать со мной. Достаточно просто прийти и сказать моей маме, что поедешь.

— Если бы я не был с ней знаком, то без проблем, а так вдруг все вскроется? Как я ей потом в глаза смотреть буду?

— Ничего не вскроется. Она не узнает.

— Любой обман рано или поздно вскрывается. Короче, Осеева, если хочешь это дело нормально повернуть, найди кого-нибудь левого. Можешь даже денег ему предложить. Сделаешь вид, что вы сто лет знакомы, — и вопрос решен.

Обижаться на Маркова не имело смысла, он всегда был эгоистом и занудой. Но логика в его словах определенно присутствовала, так что, предприняв вечером еще одну тщетную попытку уговорить маму отпустить меня в деревню без сопровождения, я решила, что срочно должна отыскать кого-нибудь «левого».